

*М. С. Максимычева***ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ РОМАНОВ БЕРНХАРДА ШЛИНКА
«ВНУЧКА» И «ПОЗДНЯЯ ЖИЗНЬ»***Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Статья посвящена проблеме интертекстуальности новых романов немецкого писателя Бернхарда Шлинка «Внучка» (2021) и «Поздняя жизнь» (2023). Цель исследования – выявить приемы и функции межтекстовых связей в данных произведениях, в том числе их роль в конструировании идентичности образа главного героя. Методы исследования включают собственно интертекстуальный анализ, сравнительный, историко-этимологический и интерпретационный подходы. Автор статьи опирается на «узкое» понимание интертекстуальности (У. Бройх, М. Пфистер), которое подразумевает, что писатель осознанно использует интертекстуальность и маркирует ее элементы для эффективного взаимодействия с читателем. В ходе исследования внимание уделяется цитатности, аллюзиям, в том числе аллюзивным именам, и реминисценциям, а также вставным текстам. Детальный анализ приемов интертекстуальности, связи текста с прецедентными текстами сопровождается определением функций данных элементов. Библейские аллюзивные имена Каспара («Внучка») и Давида, сына Мартина («Поздняя жизнь»), способствуют формированию образа главного героя, представлению его жизненного пути и убеждений. Каспар выступает хранителем европейских гуманистических традиций; смертельно больной Мартин продолжится в Давиде. Анализ цитатного и аллюзивного полей «Внучки» показывает большую плотность интертекстуальности: роман насыщен упоминаниями и цитатами из произведений немецкой, русской, мировой классической литературы. «Библиотека» главного героя Каспара – его мировоззренческая опора и инструмент в полемике с «внучкой» Зигрун. В романе «Поздняя жизнь» единичные упоминания немецких авторов, детской и классической литературы демонстрируют внутреннюю динамику героя Мартина. Прием «текст в тексте» особенно важен в «Поздней жизни»: посредством фрагментов «бритвенного письма» Б. Шлинк передает собственные философские размышления. Выводы подчеркивают маркированный и гуманистически ориентированный характер интертекстуальности романов «Внучка» и «Поздняя жизнь».

Ключевые слова: *интертекстуальность, Бернхард Шлинк, роман «Внучка», роман «Поздняя жизнь»*

*М. S. Maksimycheva***INTERTEXTUALITY OF THE NOVELS “THE GRANDDAUGHTER”
AND “THE LATE LIFE” BY BERNHARD SCHLINK***I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia*

Abstract. This article examines the problem of intertextuality in the latest novels by German writer Bernhard Schlink, “The Granddaughter” (2021) and “The Late Life” (2023). The research aims to identify the techniques and functions of intertextual connections in these works. The methodology includes intertextual analysis, comparative, historical-etymological, and interpretative approaches. The study adopts a “narrow” approach of intertextuality (U. Broich, M. Pfister), which assumes that the author consciously employs and marks intertextual elements for effective communication with the reader. The research focuses on quotations, allusions – including allusive names – reminiscences, and incorporated texts. Biblical allusive names such as Caspar (“The Granddaughter”) and David, Martin’s son (“The Late Life”),

shape the main characters' images and life beliefs. Caspar represents the guardian of European humanist traditions, while the terminally ill Martin is continued in David. The intertextual field of "The Granddaughter" is densely packed with references to German, Russian, and world classical literature. Caspar's "library" serves as both his worldview foundation and a tool in his polemic with Sigrun. In "The Late Life", singular references to German, children's and classical literature reveal Martin's internal development. The "text within text" technique is especially important in "The Late Life": fragments of the Martin's letter convey Schlink's own philosophical reflections. The conclusions emphasize the marked and humanistically oriented nature of intertextuality in both novels.

Keywords: *intertextuality, Bernhard Schlink, novel "The Granddaughter", novel "The Late Life"*

Введение. Творчество известного немецкого писателя Бернхарда Шлинка является объектом научного интереса литературоведов, лингвистов, культурологов, историков. Особо следует выделить работы Г. Г. Ишимбаевой [4], Н. Л. Потаниной, К. Ю. Горячевой [7], Т. А. Шарыпиной [10]. В их исследованиях поднимается вопрос об интертекстуальности и интермедийных аспектах произведений Б. Шлинка. Н. Л. Потанина говорит о «палимпсестной организации» романа Шлинка «Возвращение», что характеризует «как имманентное свойство нон-классического текста» [6, с. 30]. Детальный анализ отсылок к мировой литературе в произведении «Ольга» позволяет Г. Г. Ишимбаевой утверждать: «Художественный мир романа пермутирует художественные миры множества произведений прошлого и настоящего и самого Шлинка в том числе» [4, с. 399].

Изучением интермедийности как самостоятельного, однако перекликающегося с межтекстовыми взаимодействиями (если понимать текст широко) феномена занимается Т. А. Шарыпина. Анализ интертекстуальности подразумевает не только обращение к устройству текста и его взаимодействию с другими текстами, но и установлению связи текста с читателем. Данному аспекту проблемы посвящена работа Марии Пилар Кастильо Берналь, в которой она обращается к вопросу о читательской рецепции произведения «Чтец» и о восприятии его экранизации [16].

Таким образом, направление в изучении интертекстуальности как важнейшего качества прозы Б. Шлинка следует признать сложившимся в современной науке и требующим развития, поскольку автор активно продолжает свою литературную деятельность.

Цель данной статьи – выявить особенности проявления и функционирования межтекстовых связей новых романов Б. Шлинка «Внучка» (2021) и «Поздняя жизнь» (2023).

Актуальность исследуемой проблемы. Интерес гуманитарных наук к интертекстуальности как к явлению современной художественной прозы, в том числе творчества Б. Шлинка, не ослабевает. Анализ межтекстового взаимодействия как ведущего механизма смыслообразования позволяет раскрыть диалогический характер текста, его место в культурно-исторической среде, а также способы взаимодействия с читателем. Сегодня актуальным представляется изучение в данном аспекте двух наиболее «свежих» и малоисследованных романов немецкого писателя. Это дает возможность углубить понимание сущности интертекстуальности в целом и проследить ее в динамике конкретных художественных стратегий Б. Шлинка, имеющего за плечами тридцатилетний опыт литературной деятельности.

Материал и методы исследования. Материалом исследования выступают тексты двух последних романов Б. Шлинка «Внучка» [11] и «Поздняя жизнь» [12]. Они имеют схожие черты в идейном, структурно-композиционном и художественном планах, в связи с чем возникает устойчивое представление, что автор создает и продолжает цикл произведений о современном ему немце: от молодого и бесстрашного Георга Польгера из «Гордиева узла» (1988), более зрелого Михаэля Берга из «Чтеца» (1995) и ищущего Петера Дебауэра из «Возвращения» (2006) к семидесятиоднолетнему Каспару Веттнеру из «Внучки» (2021) и умирающему Мартину Брэму из «Поздней жизни» (2023). Можно было бы обвинить

Шлинка в шаблонности и повторяемости, однако главный герой меняется, «взрослеет» вместе с писателем, а автор через протагониста высказывается по разным, но, вероятно, наиболее важным для него лично и для современного ему общества вопросам. Главный персонаж двух последних романов – пожилой интеллигент, который из-за кризисных жизненных обстоятельств находится в сложном диалоге с младшим поколением. Наряду с темой «отцов и детей», во «Внучке» явственно проступают темы творчества, памяти и вины, а в «Поздней жизни» ключевыми становятся универсальные экзистенциальные темы – жизни и смерти, духовного выбора и завещания. Нынешний пожилой герой Шлинка предельно интересен как выразитель наиболее актуальных мыслей автора, а новые романы – как результат художественных поисков писателя, в том числе в области интертекстуальности.

Определяющим для исследования романов Б. Шлинка «Внучка» и «Поздняя жизнь» является метод собственно интертекстуального анализа, заключающийся в выявлении и описании приемов интертекстуальности, в характеристике прецедентных текстов и интертекста, а также в определении смыслообразующей функции рассматриваемого приема. Также в работе используются сравнительный, историко-этимологический и интерпретационный методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Вводя в научный оборот термин «интертекстуальность», Юлия Кристева заявляет, что «всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [5, с. 428], и акцентирует внимание прежде всего на вертикальных связях – «амбивалентности», т. е. на взаимосвязи истории (общества) и текста, на межтекстовой связи. В дальнейшем исследователи общо толкуют понятие интертекстуальности, рассматривая историю, язык и культуру как тексты. Такой «широкий» подход характеризуется глобальностью, концептуальностью, но и постмодернистской неопределенностью, размытостью, сложностью применения в практических исследованиях. «Узкий» подход к интертекстуальности позволяет «сосредоточиться на конкретных исследованиях текстов с целью выделить в них следы межтекстовых взаимодействий» [3, с. 30]. Яркими представителями такого подхода к интертекстуальности являются У. Бройх ([13], [14]), М. Пфистер [15]. В частности, У. Бройх настаивает на сознательном характере интертекстуальности и возвращает ей горизонтальные связи, т. е. необходимость учитывать отношения между автором и читателем: «Интертекстуальность имеет место, когда автор при создании своего текста не только осознает использование других текстов, но и ожидает, что реципиент распознает эту связь между его текстом и другими текстами, как задумано автором и как важно для понимания его текста» (перевод наш. – М. М.) [13, с. 31]. Это подразумевает маркирование текста, т. е. использование автором сигналов для ее обозначения. Среди форм маркированности перечисляются аллюзии, простая сноска, сигналы в заголовке и именах, «текст в тексте» и проч. Именно такое – «узкое» – понимание интертекстуальности лежит в основе данной работы.

Бернхард Шлинка – мастер осознанной интертекстуальности. Он намеренно, последовательно и серьезно организует межтекстовые связи в своих произведениях. Это выражается в детальном подборе и точности цитат, аллюзий и реминисценций. Автор не обманывает читателя, не строит постмодернистских «ловушек» и загадок, не скрывает своих намерений, а напротив – почти всегда ясно маркирует интертекстуальность. Объяснений этой писательской программе может быть несколько. Мировоззренческие установки Шлинка во многом определяют уважительную тональность к гуманистической европейской культуре: он не отрицает весь корпус текстов, которые были созданы его предшественниками, а напротив – опирается на них, указывает на глубокую связь и преемственность. Кроме того, будучи юристом, автор предельно внимательно относится к тексту, к его источникам и к любым формулировкам. Такая точность и серьезность отличает социально-психологические романы Шлинка от постмодернистских произведений.

Хотя автор почти всегда четко маркирует интертекстуальность, он обращается к широкому корпусу мировой литературы, и это дает право предположить, что основной «адресат» произведений Б. Шлинка – человек со значительным уровнем эрудиции и читательским опытом, способный распознавать межтекстовые связи и понимать их функции в тексте.

Рассмотрение интертекстуальности как хорошо маркированного явления в двух последних произведениях автора можно начать с *аллюзивных имен*. Главного героя во «Внучке» зовут Каспар. У А. В. Суперанской читаем, что имя Гаспар и все его варианты из греческого «Gasparēs: санскр. gataspa мастер, учитель; имя одного из трех восточных мудрецов, которые, согласно легенде, поклонились младенцу Иисусу» [8, с. 56]. В романе есть прямое указание на связь имени героя с библейской историей о трех волхвах. В своей рукописи жена сообщает о знакомстве: «Когда он представился, я подумала, может, он стесняется своего имени и потому предпочитает вежливую форму обращения. Но он тут же рассказал о трех волхвах, одного из которых звали Каспар, и о том, что он с детства привык и защищать свое имя, и гордиться им» [11, с. 80]. Среди трех волхвов Каспар считается хранителем. В таком случае героя Шлинка можно сравнить с тем, кто охраняет сокровища. И действительно, Каспар Веттнер выступает своеобразным казначеем, но, скорее, не материальных, а духовных ценностей. В XX в. читает немодную литературу прошедших двух столетий. В эпоху интернета продолжает развивать книжный магазин, который мыслится им как духовный ориентир (магазин называется «Компас») и как собрание произведений европейской мысли. Интересно, что идея стать книготорговцем появилась у Каспара при посещении кладбища: «Когда-то при жизни многие из них были врагами, а теперь покоились рядом, в тесном соседстве друг с другом. <...> в таком же тесном соседстве – Гегель рядом с Кантом, Маркс рядом с Фейербахом, Гейне рядом с Платоном» [11, с. 51]. Как видим, имена здесь становятся символами всего многообразия европейской мысли. Эти разные философские идеи в своем магазине сохраняет Каспар. Их он, как волхв, готов дарить Зигрун, внучке своей умершей жены, чтобы защитить девушку от праворадикального окружения.

Если во «Внучке» Шлинка вкладывает большое значение в имя героя, то в «Поздней жизни» аллюзии, связанные с именами, не столь проявлены. В произведении отсутствуют объяснения значений имени для героев. Протагонисту Шлинка дает имя Мартин. Оно происходит «из лат. Martinus производное от Mars, Martis, Марс – в римской мифологии имя бога войны» [8, с. 155]. Здесь напоминание о войне и борьбе достаточно отдаленное. Узнав о своей болезни, главный герой не вступает в открытую битву со смертью: он понимает бессмысленность химиотерапии на данной стадии болезни и не думает о возможности продлить свою жизнь. Он тихо, но смело принимает диагноз и пытается прожить оставшееся время в согласии с миром.

Важнее для характеристики этого персонажа оказывается имя сына – Давид. Оно восходит к древнееврейскому и означает «возлюбленный» [8, с. 85], «любимец», «любимый». Пожилой отец любит своего маленького сына, и это взаимные чувства. Детский сад, чтение перед сном, подготовка к празднованию дня рождения Уллы (жены Мартина и матери Давида) – большую часть свободного времени Мартин проводит со своим шестилетним ребенком.

Давид – имя библейское, а поскольку в «Поздней жизни» автор часто обращается к Библии как претексту, то, вероятно, неслучайно одна из первых сцен в романе ненавязчиво отсылает к истории битвы Давида с филистимлянином Голиафом. Забирая ребенка из детского сада, Мартин видит обычно тихого мальчика возбужденным:

«– Папа, я ему врезал!

Он сразу понял, о ком говорил Давид. Бен был самым большим и сильным в их группе, и всем от него доставалось.

– Он опять меня толкнул, а я ему врезал как следует, и он упал.

Он почувствовал гордость за сына, который долго терпел тычки и толчки и наконец решился постоять за себя» [12, с. 18].

В финале мальчик становится крепче, общительнее, сильнее, и угасающего отца это радует: Давид придет ему на смену. Вероятно, в данном случае проявляется еще одна аллюзия. В Библии Давид, о котором Бог изрекает: «нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева, который исполнит все хотения Мои» (Деян. 13:22), сменяет отринутого Саула. Смертельно больной Мартин в какой-то степени подобен последнему. Он заявляет о том, что никогда не встречал Бога, воспринимает его как суровую и несправедливо наказывающую силу. Мартина, возможно, заменит Давид.

Цитатность и аллюзивность в целом широко представлены в поздних произведениях Б. Шлинка. Роман «Внучка» буквально усыпан цитатами и названиями литературных произведений. В круге чтения персонажей – немецкая литература от XVIII в. до современности, английская, французская и русская классическая литература, немецкая и мировая детская литература, а также литература о Второй мировой войне, в финале – даже литература Австралии. При этом цитаты, аллюзии и реминисценции в романе существуют очень плотно, что может иногда вызывать чувство перенасыщенности, чрезмерности, дидактичности. С другой стороны, многочисленные прецедентные тексты становятся способом выражения идей автора, а также ориентиром для читателя в восприятии образа главного героя, который выступает носителем просветительской миссии.

Показательны в этом смысле следующие эпизоды. Встречаясь со своей будущей женой Биргит из Восточной Германии, Каспар сообщает ей, что любит книги XVIII и XIX вв., хотя в середине XX в. это выглядит старомодным. Он называет писателя эпохи Просвещения Карла Филиппа Морица, философа, академика XIX столетия Фридриха Теодора Фишера, а затем, все же пытаясь предугадать сходство взглядов, говорит о симпатии к модернистам Альфреду Деблину и Леонхарду Франку. Он оказывается прав. Источники формирования личностей влюбленных близки, и получается, что люди Западной и Восточной Германии, несмотря на глубокие расхождения между политическими системами, похожи. Автор посредством цитат постоянно подчеркивает общность мира и единство Каспара и Биргит. Так, рассуждая о возможности переехать в Восточную Германию, молодой человек вспоминает стихотворение Генриха Гейне «Где?»: «Для меня небо не расколото. Это Божье небо, оно висит надо мной, где бы я ни был – ты же помнишь это стихотворение Гейне...» [11, с. 89]. Биргит знает его и отвечает: «Ты забыл, как там у Гейне дальше? Что звезды горят над ним в этом ночном небе, как поминальные свечи... Божье небо укрыло его, лишь когда он умер, – эти строки написаны на его могиле» [11, с. 89]. Стихотворение Гейне – литературный код, понятный по обе стороны Берлинской стены.

Особым текстом выступает в произведении роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир»: его читает, хоть и не до конца, Биргит во время беременности, а Каспар упоминает его в беседе с Зигрун как свою любимую книгу. «Перехватив вопросительный взгляд Зигрун, он начал рассказывать ей о Наташе и Соне, о Пьере и Николае» [11, с. 205], что вызывает тираду девушки о том, что у немца любимыми произведениями должны быть немецкие. Так читатель понимает, что на новом витке истории разделяют уже не стены, а идеи. Каспар сохраняет верность гуманистической европейской мысли, зная о Второй мировой войне и преступлениях нацизма, а более молодое поколение и дети, среди которых и Зигрун, «проникаются неонацистским наследием» [2, с. 146].

Чтение двух героев, хоть и живущих в объединенной современной Германии, – это принципиально разные миры. На полке в комнате Зигрун стоят книги, которые, как отмечает переводчик, «в той или иной мере проникнуты националистической идеей» [11, с. 205], хотя многое из этого она еще не читала. На полках личной библиотеки Каспара – совершенно иные книги. Они начинают привлекать Зигрун: «В гостиной он заметил, что книги

о технической и химической составляющей массовых убийств в Освенциме на полке нет. Это была первая из многих книг, которые она брала и ставила на место, не говоря ему ни слова. Он тоже не заговаривал с ней о них» [11, с. 260–261]. Тем не менее молчаливое и громкое противостояние героев продолжается в романе долго, и это показано в том числе через коммуникацию вокруг текстов. Девушка отказывается верить в правдивость исторической литературы на книжных полках в магазине Каспара, в подлинность «Дневника Анны Франк», в письменные свидетельства в женском концлагере в Равенсбрюке. Однако в схватке идей Каспар, с помощью литературы, музыки и изобразительного искусства, все же побеждает: в чемодане Зигрун оказывается некая книга «Мой путь». «Книга была посвящена молодой женщине, порвавшей со своими ультраправыми родителями и ультраправой средой, в которой она выросла и из которой в конце концов смогла вырваться» [11, с. 357]. Вероятно, используя описание вымышленного произведения литературы, Шлинк создает параллелизм ситуации и намекает читателю на исход истории.

В романе «Поздняя жизнь» аллюзии и реминисценции служат для конструирования образа главного героя, а именно для демонстрации его мировоззрения и нынешней тихой борьбы с жизненными обстоятельствами. Интересно в романе обращение к немецкой сказке «Румпельштильцхен», которую Мартин читает Давиду перед сном. Мальчик знает, что скоро отец умрет, и в момент чтения истории между ними происходит теплый и трогательный диалог, в котором оба говорят о взаимной любви. В этот момент герои называют все своими именами, как происходит и в сказке с именем карлика Румпельштильцхена, и таким образом берут власть над болезнью, смертью и забвением.

В завещательном письме Мартина присутствует менее заметная отсылка к классическому фрагменту пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» – речи Гаева о шкафе. В постскриптуме главный герой «Поздней жизни» рассказывает о старых вещах в своем кабинете и начинает с повествования о письменном столе, который достался ему от бабушки. Будучи профессором, дед готовил здесь свои лекции, иногда внук заставлял его за написанием какого-нибудь письма, но в наследство стол перешел пустым. Мартин размышляет о смысле этой пустоты как о своеобразном послании «Ничто нас не переживет», но сам надеется, что когда-то Давид не только обнаружит здесь это письмо, но и будет работать за столом. Для главного героя стол, как и другие вещи, это память о прошлом и связь поколений. Горько-ироничные слова Гаева: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! <...> твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая (сквозь слезы) в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания» [9, с. 451] довольно близки к высказыванию Мартина: «Возможно, он впитал в себя что-нибудь из того, что происходило в головах тех, кто за ним работал, и, может быть, ты передашь это дальше, тем, кто будет работать за ним потом» [12, с. 140]. Здесь возникает завуалированное, неявное обращение Шлинка к Чехову, творчество которого он знает и более открыто упоминает в знаменитом «Чтеце»: рассказы русского классика Михаэль начитывает на кассетную пленку, чтобы отправить Ханне в тюрьму.

В предпоследнем абзаце книги присутствует упоминание Генриха Гейне. Главный герой Мартин, уже будучи совсем слабым, позволяет себе плакать: «Он десятилетиями не мог заплакать, хотя иногда слезы были ему очень нужны... И вот теперь он плакал, слыша пение дрозда и голоса играющих детей или видя закат солнца. А когда по щекам его струились слезы, он вспоминал одну строку из Генриха Гейне, и ему тоже казалось, что его сердце сладко истекает кровью» [12, с. 252–253]. В русском издании указано, что в данном фрагменте присутствует аллюзия на поэму Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка». Между тем справедливо предположить, что Шлинк может упоминать здесь также стихотворение Гейне «Ruhelehzend» (в переводе Ю. Н. Тынянова «Алкая покой»): «Пусть кровь течет из раны, пусть / Из глаз струятся слезы чаще. / Есть тайная в печали

страсть, И нет бальзама плача слаще» [1, с. 169]. Логика стихотворения, завершающегося мыслями о спокойном принятии небытия, соответствует не только тексту абзаца о плаче, но и всему повествованию романа – постепенному примирению героя Мартина и его семьи с неизбежностью смерти.

Наконец, еще один художественный прием, который работает на создание интертекстуальности и который Б. Шлинка часто использует в своем творчестве, – это «*текст в тексте*». В романе «Внучка» привилегия самостоятельно создавать литературный текст принадлежит женскому персонажу, Каспару же отдано право читать, будь то классика или рукопись умершей жены. При этом значение фигуры читателя и чтения как деятельности Шлинка не умаляет, а напротив, возвышает, подчеркивает важность этого в человеческом мире.

Рукопись Биргит имеет несколько функций в романе. Во-первых, сюжетообразующую: читатель вместе с главным героем узнает о мучительной тайне женщины – ее беременности и оставленной дочери при побеге из ГДР. Это «спусковой крючок» для дальнейшего действия всего романа. Во-вторых, «текст в тексте» организует смену точек зрения, нарративов: в рукописи глазами героини представлена история отношений Биргит и Каспара, в том числе их разговоры о литературе. Рукопись – это также рефлексия о себе и о ГДР. Биргит словно от имени своего поколения, выросшего в этой стране и вынужденного испытывать конфликт между личным и общественным, поднимает сложные вопросы памяти, вины и судьбы человека на фоне истории. Интересно, что у вставочного текста говорящее название – «Суровый Бог». Это в некоторой степени соотносится с излагаемыми Мартином в «Поздней жизни» мыслями о несправедливости Бога, что можно рассматривать как своеобразную автоцитату Шлинка.

В последнем романе «текст в тексте» доверено написать главному герою. Он выражает мысли в завещательном письме, которое именуется как «*Rasierbrief*» («бритвенное письмо»). Идею оставить оригинальное видеозавещание Мартину подает его жена Улла, предлагая, как в некогда увиденном ею фильме, записать наиболее значимый совет сыну, например, о бритье. Она думает, что это послание должно быть легким и ненавязчивым, однако Мартин в корне меняет концепцию. Он не пользуется современным медиа, а прибегает к сложному эпистолярному жанру и в традициях классической литературы оставляет сыну большое письмо со своими размышлениями: «Бог, любовь, работа, смерть – этого было достаточно для его бритвенного письма» [12, с. 112]. Фрагменты завещательного письма, разбросанного по тексту, маркированы, выделены курсивом. Читатель переключается с повествования от третьего лица на так называемое «Я-повествование». Такие переходы делают сюжет фрагментарным, нелинейным, что характерно для всего творчества Б. Шлинка, а с другой стороны – придают особую выразительность и искренность мыслям Мартина, иными словами, способствуют конструированию образа главного героя. Хотя неверно отождествлять автора с персонажем, нельзя отвергать и идею автобиографичности большинства произведений этого писателя. Вероятно, в нескольких вставочных текстах в «Поздней жизни» Шлинка, скрываясь за своим персонажем, подводит некоторые итоги, выражает собственные мысли о главных жизненных ценностях, и эти фрагменты можно воспринять как самостоятельный философский текст.

Выводы. Интертекстуальность – одна из важнейших характеристик творчества современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка. В данной статье принято не широкое, постмодернистское понимание межтекстуальных связей, а узкое (У. Бройх и М. Пфистер), что более соответствует художественной программе автора. В своих социально-психологических романах он намеренно воспроизводит различные тексты и в основном хорошо маркирует их для восприятия читателем. Этим Б. Шлинка отличается от постмодернистов: он серьезен и предельно точен в воспроизведении прецедентных текстов, не отрицает гуманистические нарративы прошлого. В своих новых романах «Внучка» (2021) и «Поздняя жизнь» (2023) писатель продолжает работать с элементами интертекстуальности, такими как цитаты, аллюзии, «текст в тексте» и др.

Проведенный анализ показывает, что одна из функций интертекстуальности романов Б. Шлинка – конструирование идентичности главного героя. Его персонаж типичен. Это пожилой современный немец, носитель классических гуманистических традиций, во многом носящий черты биографии писателя и показывающий эволюцию героев прежних романов. При помощи аллюзивных имен, в основном восходящих к библейской истории, Б. Шлинка представляет Каспара Ветгнера из «Внучки» хранителем гуманистических традиций и Мартина Брэма из «Поздней жизни» – тихим борцом со смертельным недугом. Сын Мартина Давид, вероятно, станет его лучшим продолжением, подобно тому как библейский Давид сменил Саула.

Цитатность и аллюзивность – частотные приемы интертекстуальности романа «Внучка». При помощи прямых упоминаний и косвенных отсылок к литературным произведениям Б. Шлинка не только конструирует идентичность главного героя Каспара, но и размышляет о проблеме конфликта поколений. Обилие цитат из произведений немецкой, русской и мировой классики делает произведение дидактичным. В романе «Поздняя жизнь» аллюзии, цитаты и реминисценции присутствуют менее плотно. Единичные обращения к текстам детских сказок, произведениям Г. Гейне, А. П. Чехова служат во многом для демонстрации мировоззрения и внутреннего развития персонажа Мартина.

Характерный для всего творчества Б. Шлинка прием «текста в тексте» присутствует как во «Внучке», так и в «Поздней жизни». В последнем романе фрагменты эпистолярного послания умирающего Мартина маркированы в том числе переходом на повествование от первого лица, что придает искренность образу героя, а также дает писателю возможность делать персонажа своим «голосом», разговаривать со своими читателями о сложных философских категориях, представлять накопившиеся к этому возрасту убеждения и ценностные установки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейне Г. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : [перевод с немецкого] / Генрих Гейне ; под общ. ред. Н. Я. Берковского [и др.] ; [вступ. ст. Д. И. Заславского, с. V–XXVIII]. Романсеро. Поздние поэмы и стихотворения. – М. : Гослитиздат, 1957. – 355 с.
2. Гуцина А. И. Феномены «памяти» и «потерянного поколения» в романе Б. Шлинка «Внучка» // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 144–150. – DOI 10.34216/1998-0817-2024-30-2-144-150.
3. Илунина А. А. Интертекстуальность и постмодернизм : теоретические аспекты проблемы в современных филологических исследованиях // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2020. – № 4(109). – С. 28–34.
4. Ишимбаева Г. Г. Интертекстуальность художественного мира романа Бернхарда Шлинка *Ольга* // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – 2023. – Т. 20. – С. 388–404. – DOI 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-388-404.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
6. Потанина Н. Л. Актуальные способы конструирования текста в современном западноевропейском романе // Нефилология. – 2018. – Т. 4, № 13. – С. 30–38.
7. Потанина Н. Л., Горячева К. Ю. Поэтика «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка «Возвращение» // Нефилология. – 2018. – Т. 4, № 16. – С. 73–80. – DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-73-80.
8. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
9. Чехов А. П. Сочинения : в 2-х т. Т. 2. Повести ; Рассказы 1894–1903 ; Пьесы. – М. : Худож. лит., 1982. – 480 с.
10. Шарытина Т. А. Роман Бернхарда Шлинка «Женщина на лестнице»: интермедийные аспекты немецкого экзистенциального кода // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи : коллективная монография. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2017. – С. 162–173.
11. Шлинка Б. Внучка : роман / пер. с нем. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – 416 с.
12. Шлинка Б. Поздняя жизнь : роман / пер. с нем. – СПб. : Азбука, 2025. – 256 с.
13. Broich U. Formen der Markierung von Intertextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1985. – S. 31–47.

14. Broich U. Zur Einzeltextreferenz // Intertextualität. Formen. Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1985. – S. 48–52.
15. Pfister M. Konzepte der Intertextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1985. – S. 1–30.
16. Pilar Castillo Bernal M. Literarische Rezeption und Intermedialität des Werks Der Vorleser: Anwendungen im Hörsaal Literaturübersetzen Deutsch–Spanisch // Hikma. – 2014. – № 13. – S. 9–20. – DOI 10.21071/hikma.v13i.5224.

Статья поступила в редакцию 04.11.2025

REFERENCES

1. Gejne G. Sbornik sochinenij : v 10 t. T. 3 : [perevod s nemeckogo] / Genrih Gejne ; pod obsh. red. N. Ya. Berkovskogo [i dr.] ; [vstup. st. D. I. Zaslavskogo, s. V–XXVIII]. Romansero. Pozdnie poemy i stihotvoreniya. – M. : Goslitizdat, 1957. – 355 s.
2. Gushina A. I. Fenomeny «pamyati» i «poteryannogo pokoleniya» v romane B. Shlinka «Vnuchka» // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – T. 30, № 2. – S. 144–150. – DOI 10.34216/1998-0817-2024-30-2-144-150.
3. Ilunina A. A. Intertekstualnost i postmodernizm : teoreticheskie aspekty problemy v sovremennyh filologicheskikh issledovaniyah // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2020. – № 4(109). – S. 28–34.
4. Ishimbaeva G. G. Intertekstualnost' hudozhestvennogo mira romana Bernharda Shlinka Olga // Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov. – 2023. – T. 20. – S. 388–404. – DOI 10.47388/2782-2605/lunn2023-20-388-404.
5. Kristeva Yu. Bahtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaya semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s fr., sost., vstup. st. G. K. Kosikova. – M. : IG Progress, 2000. – S. 427–457.
6. Potanina N. L. Aktualnye sposoby konstruirovaniya teksta v sovremennom zapadnoevropejskom romane // Neofilologiya. – 2018. – T. 4, № 13. – S. 30–38.
7. Potanina N. L., Goryacheva K. Yu. Poetika «vstavnykh konstrukcij» v romane B. Shlinka «Vozvrashenie» // Neofilologiya. – 2018. – T. 4, № 16. – S. 73–80. – DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-73-80.
8. Superanskaya A. V. Sovremennyy slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proishozhdenie. Napisanie. – M. : Ajris-press, 2005. – 384 s.
9. Chehov A. P. Sochineniya : V 2-h t. T. 2. Povesti ; Rasskazy 1894–1903 ; Pesy. – M. : Hudozh. lit., 1982. – 480 s.
10. Sharypina T. A. Roman Bernharda Shlinka «Zhenshina na lestnitsе»: intermedialnye aspekty nemeckogo ekzistencialnogo koda // Nacionalnye kody evropejskoj literatury v kontekste istoricheskoy epohi : kolektivnaya monografiya. – Nizhnij Novgorod : Nacionalnyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2017. – S. 162–173.
11. Shlink B. Vnuchka : roman / per. s nem. – SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2024. – 416 s.
12. Shlink B. Pozdnyaya zhizn' : roman / per. s nem. – SPb. : Azbuka, 2025. – 256 s.
13. Broich U. Formen der Markierung von Intertextualität // Intertextualität. Formen. Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1985. – S. 31–47.
14. Broich U. Zur Einzeltextreferenz // Intertextualität. Formen. Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1985. – S. 48–52.
15. Pfister M. Konzepte der Intertextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1985. – S. 1–30.
16. Pilar Castillo Bernal M. Literarische Rezeption und Intermedialität des Werks Der Vorleser: Anwendungen im Hörsaal Literaturübersetzen Deutsch–Spanisch // Hikma. – 2014. – № 13. – S. 9–20. – DOI 10.21071/hikma.v13i.5224

The article was contributed on November 4, 2025

Сведения об авторе

Максимычева Марина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0009-0007-9159-8376>, max-marina01@yandex.ru

Author Information

Maksimycheva, Marina Sergeevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0009-0007-9159-8376>, max-marina01@yandex.ru